

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

СТАРЫЙ МАСТЕР
СВАЛИТ ПРОТИВНИКА ПАЛЬЦЕМ

Дмитрий Иконников:

В ТАБУРЕТКЕ

МОЖЕТ БЫТЬ БОЛЬШЕ
ТРАГЕДИИ,
ЧЕМ В ПОСОХЕ
ИВАНА ГРОЗНОГОВс. калуж. - 2001.
- 28 июля - с. 71

Образованному человеку не пристало спрашивать художника, почему у него кружка не похожа на настоящую. А спросить хочется. Признайтесь, хочется же?! Я крепился, пока не увидел работы Иконникова. И понял: спрошу!

— Дмитрий, а случалось, что вам говорили: «Непохоже нарисовано, надо так...»?

— Конечно, такие люди есть, но наши круги общения не пересекаются. Мои знакомые и знакомые моих знакомых понимают предмет, которым я занимаюсь, а я понимаю их, и это прекрасно.

— Картины кормят?

— И не только меня, а еще и мою жену, дочку и кота.

— Раньше художник мог найти заказ через творческий союз, а теперь?

— Да нет, и раньше нам доставалось только то, что падало с барского стола членов правления. К 70-летию революции я сделал свой последний крупный госзаказ: росписи на ВДНХ и на Красной площади, 280 и 250 квадратных метров. На Историческом музее мы с Сашкой Вагановым делали орясину такую. Деньги нам только пообещали, я уехал в отпуск... В общем, на Новый год нам с женой бутылку шампанского не на что было купить. Расплатились со мной только через полгода, и я зарекся: с государством больше работать не буду.

— И вы пошли... Куда, в Измайлово?

— Не сразу. Меня уговаривали: иди в Измайлово, картинка же есть, — продай. Но тогда продавать свои работы в Измайлово для профессионала считалось, извините, западло. Что я, книгу не сделал? Я ж график! И сделал: Бажова, Афанасьева, Шукшина. Но прожить на это не мог. И заниматься плакатами тоже больше не мог, настолько обрыдло.

И я решил: будут покупать картины, значит, выживу, а нет — сдохну, и ладно, значит, не нужно.

Когда в Измайлово пришел в первый раз, я был в ужасе: такая толпа художников — знакомых, незнакомых. Сначала я сильно стеснялся: и как

примут, и вообще — что это такое, как я, профессионал, буду продавать своих детей?! На самом деле это глупость, ведь с выставок работы продаются, это норма. Но тогда выставок не было. Тогда вообще ничего не было, одна гуманитарная помощь. А в Измайлово, в этой толпе, всегда находился покупатель именно на тебя. Я раз съездил, два. Вдруг какие-то американцы сильно заинтересовались, потом мне предложили сделать выставку. Сейчас работаю с национальной галереей Кореи, с фирмой «Праз», которая комплектует подарочные фонды, коллекции произведений искусств солидных организациям: от фирменных значков до эксклюзивных ювелирных изделий, и где-то в этом диапазоне — мои картины. Словом, контакты уже сами возникают, искать не надо.

— Тяжело расставаться с картинами?

— Да. Работа должна какое-то время полежать дома, прежде чем она уходит.

— Чем отличается художник от, скажем, математика?

— Способом восприятия мира. Свое отношение к цвету, к форме, к пространству, к линии, к плоскости — это определяет художника. Там, где начинаются какие-то другие мотивы, кончается художнический способ мышления. Скажем, Дали меньше занимали эти проблемы, он считал, что если научился писать шок, то больше ничего не надо. Он был шоуменом. Пустил свой великий талант по другому руслу. А Сезанн до самой смерти не стеснялся учиться восприятию мира, — и такой же великий художник, как Дали. У кого-то больше чувства колорита, у кого-то больше чувства формы, у кого-то — чувства линии. Поэтому художники разные, хотя учат всех одинаково.

— Идея картины — это..?

— То, как я понимаю мир и что меня в нем интересует. Если это интересно зрителю, значит, слава Богу — получается. Я пишу картинку, мне платят. А если неинтересно, я продолжаю работать для себя, пока не найдется кто-то, кому тоже будет интересно.

— Слишком общий ответ. Вот нарисован мост. В чем была идея картины — мост нарисовать, или передать настроение, или еще что-то?

— Это идея плоскости пространства: как удержать на плоскости предмет, чтобы он еще и нес цвет. Предмет можно рассматривать как предмет, а можно — как цветовой рельеф. Пока рассматриваешь как предмет, картины не получится: будет набор предметов. А если рассмотришь все с точки зрения цвета и отношения к плоскости, получится картина. Поэтому совершенно не важно, что ты пишешь, натюрморт или сюжетную композицию «Иван Грозный убивает сына». Трагедию или радость жизни не обязательно делать через кровь или радость. В простой табуретке может быть в десять раз больше трагедии, чем в царском посохе, которым он сына забил.

— А зритель поймет?

— А как художник написал, так и поймет.

— В литературе есть проблема посредника: автор видит, переживает, пишет, а читатель читает не то, что переживал автор, а то, что он сумел рассказать. Графоман и гений могут переживать с одинаковой силой, разница в том, кто сколько сумел дотащить до читателя. Посредник здесь — слово, которое у кого-то лучше передает эмоции, у кого-то хуже, но ни у кого не передает совершенно точно. А в живописи есть такая проблема?

— Так вы наехали красиво... Да еще и графоманы обнажают всю свою душу. Нельзя же этого делать публич-

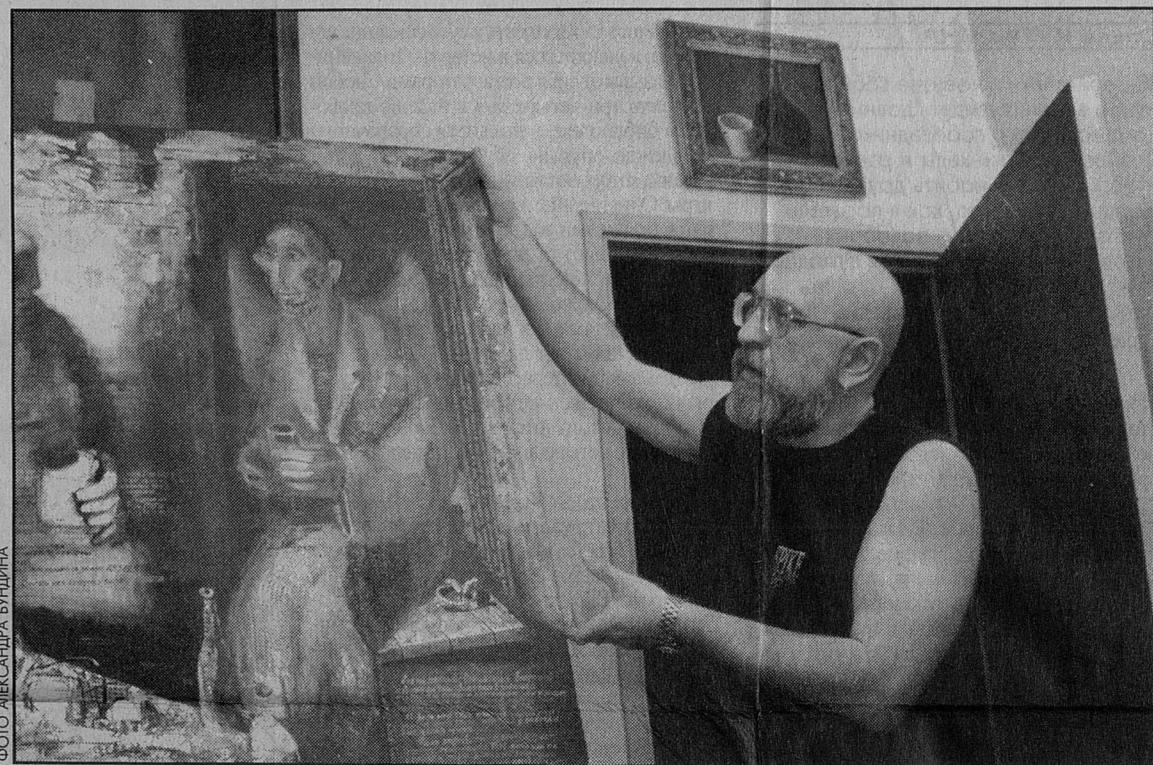

ФОТО АЛЕКСАНДРА БУДИНА

но! Все зависит от качества эмоций: чем оно выше, тем больше заключено в твоей работе. Зритель — но не весь! — какой-то зритель это чувствует. Ну, как вы настраиваете гитару по другой гитаре: в унисон попали — струны зазвучали.

— Зачем вам столько трубок? Вообще, трубка — это ритуал, часть имиджа художника или еще что-то?

— Трубок много не бывает. У Кости Кукусова, председателя трубчатого клуба, их тысячи три. Я выкуриваю в день двенадцать трубок, и вот их у меня двенадцать штук. Покурю, положу трубку отдыхать и вернусь к ней через сутки. Это не только ритуал, это часть моей жизни. Первую трубку мне подарил папа — «Петерсон», ей лет сто. Мой дед взял ее в Первую мировую войну у немца, а трубка ирландская, и уже тогда была обкурена. Потом ее отец курил, потом она со мной была в плавании вокруг Кольского полуострова.

— Там же ваша родина...

— Да. Родители — москвичи, но молодыми специалистами уехали на север, и я родился в Мурманске. Батя в 25 лет стал деканом в Мурманском высшем инженерном мореходном училище. А нынешний ректор, Александр Павлович Гальянов, он из папиного первого выпуска. Лет десять назад он мне позвонил и позвал в экспедицию: на двух ботах обойти Кольский полуостров. Я матросом ходил.

— Гребли?

— Нет, но паруса ставили. Там дизель и гафельное вооружение, вспомогательное, ходить под ним очень сложно. И так мы вышли из Мурманска, прошли через Белое море в Баренцево. Рыбы в море нет, всю потравили самаритяне.

— Дмитрий, а почему вы в такую жару — и в Москве?

— Работаю. 31 января мне исполнится пятьдесят, надо выставку делать. Обещают дать зал, должен быть праздник, и надо показать что-то новое. Сейчас выбираю, в каком издательстве печатать каталог. Из-за этой выставки я отказался пойти на «Крузенштерне». Но через год точно оторвусь! Матросом уже не получится, потому что там шестидесятиметровая мачта, тяжело мне лазать будет.

— Писать картины — это работа или удовольствие?

— Форма существования. Если я брошу работать, то просто сдохну. Чем еще заниматься? Как мне жить? То, что есть во мне — куда это девать?

Из работ десятилетней давности у меня осталось две-три, и я их не продаю. Так и пройдут со мной до смерти. Из каждого периода обязательно себе что-то оставляю. Вот, сейчас бумажный период, он длится уже лет восемь.

— Почему бумага? Она недолговечная.

— В Пекине, в музее, хранятся свитки — VIII век, бумага, гуашь. В хорошем состоянии. А уж как холст рвется, как чернеет, какие на нем вмятины, кракеморы... Хотя — да, есть и среди профессионалов пренебрежение к бумаге. Я учился на факультете графики, и живописцы ходили мимо нас надутые и гордые тем, что они как бы от чистого искусства, а мы — полуприкладные: книжки, плакаты. Но на Западе относятся к бумаге и гуаши не хуже, чем к холсту и маслу, да и у нас отношение меняется.

— А все же — трудно быть свободным художником? Не тянет вас под ведомственное крылышко?

— Меня звали в студию МВД и предлагали шикарную мастерскую. У меня там работает друг — то убегает, то прибегает. С одной стороны, масса привилегий: гаишник остановил, увидел удостоверение — свой. Но, с другой стороны, там хватает работы несильно интересной: к юбилею портрет, тематические картины — собака с проводником. Этим художникам нечего показывать, кроме генералов с орденами, никому не нужных, кроме них самих. И возраст уже. Оглянется — всю жизнь генералов писал. Я в этом не участвую и чувствую себя хорошо.

— Что вам хочется изменить в жизни?

— То, что мне хочется, невозможно. Я мечтаю, чтобы люди были менее жадные, чтобы слово «честь» не было абстрактным понятием. Жалко, что дуэли запрещены, и люди не носят шпаг. Поэтому плюют в метро и толкнут могут. А человек, который себя не уважает, как он может других уважать? Если нам каждый день показывают по телевизору Жириновского, о чем тут еще говорить?!

— Представьте: вы проснулись знаменитым. Под балконом толпа: «И-кон-ни-ков, И-кон-ни-ков!». Вы надеваете шпанцы, выходите и говорите... Что?

— Я бы взял таз холодной воды... Я не оратор. У меня работы есть, кому надо — посмотрят и поймут, что я хочу сказать.